

ПЭЙЦЗЮНЬ ЧЭНЬ

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

liliachen@yandex.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ Н. Я. БИЧУРИНА О КИТАЕ

Становление русского научного стиля, особенно в отдельных научных сферах, исследовано недостаточно. Обращение к стилю этнографической науки XIX века объясняется двумя причинами: во-первых, автора статьи интересует идиостиль известного русского синолога Н. Я. Бичурина (1777–1853) как яркого представителя этнографической науки XIX века, во-вторых, этнографические сочинения этого времени очень популярны в России, переживающей невероятный патриотический подъем, который обеспечил развитие сопоставительных работ в исследованиях о культуре и быте разных народов. Эти обстоятельства обеспечивают актуальность темы статьи. На материале фундаментального этнографического труда Н. Я. Бичурина «Китай: его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840) в статье рассматриваются прежде всего языковые средства, обеспечивающие диалогичность научного текста. Подчеркивается также искреннее уважение Бичурина к Китаю и его культуре, что обеспечивает особенную эмоциональность его текстам, доказательность и аргументированность его информации о жизни и быте китайцев. В статье отмечается живая диалогичность многих работ Н. Я. Бичурина как проявление большого желания донести до русского читателя объективные факты о Китае, его социальной и культурной уникальности.

Ключевые слова: научный стиль XIX века, язык этнографических сочинений, диалогичность научного текста, диалогичность повествования, историческая стилистика

Научный стиль XIX века в России – интереснейший объект лингвистических наблюдений, поскольку, с одной стороны, он испытывал на себе колоссальное влияние стиля западноевропейской исследовательской литературы, с другой – отражал поиск молодой русской науки своего, особенного, языка научного общения.

В предлагаемой статье рассматривается диалогичность текстов этнографических трудов Н. Я. Бичурина – с одной стороны, как общая функционально-стилистическая текстовая категория научного текста XIX века, с другой – как имеющая специфические способы выражения в текстах рассматриваемого автора.

Следует заметить, что Бичурин не был ни этнографом, ни писателем, ни исследователем в строгом профессиональном смысле. Он был священником (в монашестве о. Иакинф), главой Девятой духовной миссии в Китае (1808–1821)¹, прибывшим в Пекин с миссионерскими функциями. Однако очень скоро он оставляет свои духовные дела и с головой погружается в исследование и описание культуры и быта китайцев, поразивших его своей непохожестью на все то, что было известно ему, в то время – уже архимандриту Русской православной церкви, весьма образованному и просвещенному человеку. Он азартно изучает языки народов, населяющих Китай, создает учебники китайского языка для русских, занимается переводами древнейших китайских источников, много пишет для русских журналов,

движимый желанием популяризировать свои знания об уникальной стране и ее культуре [3].

В результате обширных исследований различных сторон жизни Китая уже в 1828 году Бичурин избирается членом-корреспондентом Императорской академии наук, а с 1831 года он – почетный иностранный член Парижского Азиатского общества, первый русский синолог, широко известный в Европе [3].

Н. Я. Бичурин – автор более сотни статей и четырнадцати больших книг о Китае, причем каждая из его публикаций – образец подлинно научного взгляда на предмет описания: его стилю присущи как общие для многих этнографических штудий XIX века языковые черты (см.: [1], [2], [11]), так и уникальные, собственно «бичуринские», общее описание которыхдается в наших предыдущих публикациях (см.: [17], [18]).

Итак, одна из самых заметных черт его научных трудов – открытая диалогичность научного повествования, в современном понимании характерная прежде всего для публицистических сочинений [6], когда, по мнению Л. Р. Дускаевой, с помощью различных языковых средств «даже внутренний диалог <автора> напрямую обращен к читателю» [4: 137]. Так, в рассуждении о сложности произношения звуков китайского языка Н. Я. Бичурин повествует (причем в манере «инструктивного» текста) о своем опыте постижения способов отображения китайской речи русской графикой. Ему важно не только и столько

продемонстрировать сложность китайского языка, сколько привлечь читателя к его изучению.

В подобном затруднении **надобно вслушаться** в произношение самих китайцев и по оному сделать положение для правильного выражения китайских звуков русскими буквами (3)².

Употребление конструкций (в данном случае в модальности долженствования) «модальное слово + инфинитив» создает иллюзию непосредственного контакта автора с читателем, желающим непременно последовать его совету.

Для текстов Н. Я. Бичурина частотна, например, и конструкция сравнительной семантики «как (что и) у нас», вводимая, как кажется, для поддержания интереса русского читателя к описываемым фактам из жизни китайцев:

Какъ у насъ мушкины очень занимаются головою, что видимъ въ ежедневномъ измѣніи бакенбардъ, а особенно хохолковъ волосныхъ (414);

Выше уже было сказано, что в Китае все то же, **что и у нас**, и все не так, **как у нас** (116).

Рассмотрим разноуровневые языковые средства создания диалогичности текста, которые Н. Я. Бичурин использует в статье «Ответ на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Круzenштерну относительно Китая» (1827), также вошедшей в рассматриваемую книгу о Китае.

Статья построена в форме заочного диалога с известным мореплавателем, который, с точки зрения Бичурина, в своих рассуждениях о далекой стране был неточен, поверхностен, необъективен. Бичурин отвечает на те же вопросы известного российского экономиста Ф. Х. Вирста [5: 43], на которые прежде него ответил И. Ф. Круzenштерн. Возникает «заочная полемика» – один из частых приемов, применяемых Бичуриным для создания иллюзии диалога с «оппонентом».

Так, например, на вопрос Вирста: *Каково учрежденіе почты? Заведены ли оныя порядочно во всемъ государствѣ, и можетъ ли всякой оными пользоваться?* – Круzenштерн отвечает:

Порядочная почта учреждена только между Пекиномъ и Кантономъ, коею всякой пользоваться можетъ; но посылаемыя по оной письма распечатываются и рассматриваются. Кромѣ сей почты нынѣ другой нѣтъ во всемъ Китаѣ. Во время нужной переписки нѣтъ иного средства, какъ только отправлять нарочного, или поручать проѣзжающимъ (345).

Не соглашаясь с Круzenштерном, Бичурин отвечает на тот же вопрос практически противоположной информацией:

От Пекина, какъ мѣстопребыванія верховной власти, есть верховая конная почта по всѣмъ большимъ дорогамъ, ведущимъ въ главные города губерній.. <...>. Повидимому неимѣніе почты долженствовало-бы замедлять и даже совершенно затруднять ходъ торговли: но изумляющая обширность оной внутри государства недопускаетъ насъ сомнѣваться въ утонченіи всѣхъ возможныхъ способовъ къ облегченію сообщенія по торговымъ связямъ <...>. Только письма, посылаемыя Европейцами

изъ Пекина въ Европу и наоборотъ, представляемы бываютъ правительству и распечатываются (346).

Уже по количественной характеристике представленных контекстов видно, что ответ Бичурина более протяженный, более подробный и детализированный. Легко заметить, что Круzenштерн отвечает однозначно и без уточнений, повторяя одно из ключевых слов, содержащихся в вопросе, – «порядочная почта». Бичурин же, словно желая быть в своем ответе принципиально не-Круzenштерном, выражения «порядочная почта» не употребляет вовсе, но конкретизирует вид почты – *верховая конная почта*. Он говорит о реальном положении почты в Китае, как бы оппонируя Круzenштерну, причем не упускает возможности при помощи антитезы отметить удививший его парадокс: неимение почты должно было бы замедлять торговлю, но бурное ее развитие, как оказалось, мало зависит от состояния почтовых связей.

Лексический состав текста Бичурина словно вступает в антонимические отношения с лексикой, содержащейся в ответе Круzenштерна; создается своеобразный текст-оппозит: (Круzenштерн) *Порядочная почта учреждена только между Пекиномъ и Кантономъ* ↔ (Бичурин) *Отъ Пекина <...> есть верховая конная почта по всѣмъ большимъ дорогамъ, ведущимъ въ главные города губерній* (здесь и далее выделено мною. – Ч. П.).

Ответ Бичурина представляет собой текст-рассуждение, созданный при помощи ряда языковых средств, весьма показательных для этого типа текста: а) вводных слов с семантикой предположения (*по-видимому*); б) конструкций со значением предположения с характерной частицей *бы* (*неимѣніе почты долженствовало-бы замедлять*); в) фигур усиления с повторением глагола одной семантической группы и использованием усилительной частицы *даже*: *долженствовало-бы замедлять и даже совершенно затруднять ходъ торговли*; г) мы-повествование, создающее ситуацию вовлечения читателя в живой разговор: *Повидимому неимѣніе почты долженствовало-бы замедлять и даже совершенно затруднять ходъ торговли: но изумляющая обширность оной внутри государства недопускаетъ насъ сомнѣваться <...>*.

Лексика эмоционального регистра (*изумляющая обширность, уточнение способов и др.*) присутствует в ответе Бичурина с той же целью – создать воздействующий на читателя текст научного характера [12], [14]. Бичурин в своих разнообразных произведениях использует большое количество эпитетов, причем эмоциональных, оценочных и экспрессивных, что не является типичной характеристикой научного стиля, а характеризует его индивидуальное восприятие увиденного [8: 59]. Можно сказать, что он живописует Китай не как наблюдатель, но как его

полноправный житель и участник описываемых событий.

Научность этнографических текстов Н. Я. Бичурина бесспорна и подтверждена всеобщим признанием и государственными наградами. На текстовом уровне она (научность) проявляется в использовании им точных и выверенных данных по устройству жизни и быта китайцев [10]. В рассматриваемом сочинении продемонстрированы различные формы доказательности изложенной им информации этнографического толка: приведение документов, обращение к авторитетным источникам и другие общенаучные методы аргументации. Так, в статье «О шаманстве» (1839)³, изданной сначала отдельной публикацией, но затем вошедшей в книгу «Китай: его жители, нравы, обычаи, просвещение», Бичурин приводит данные из уникального источника – «Устава шаманского служения», изданного в Пекине в 1747 году, причем приводит его фрагменты в собственном переводе. По мнению ряда исследователей, «использование китайских источников в точном их переводе – новаторский подход, отличавший работы Н. Я. Бичурина от его предшественников» [10: 1104].

Однако в качестве доказательства научного повествования Бичурин часто привлекает и собственные наблюдения за тем или иным описываемым фактом. Не без основания он полагает, что, как свидетель и непосредственный житель Китая в течение многих лет, он имеет право в научном диалоге приводить свои суждения в качестве верного и надежного аргумента. В таких случаях в текстах Бичурина частотны конструкции я-повествования, что, по мнению Л. Р. Дускаевой, также способствует «сближению автора и читателя» [4: 138]:

Миъ самому случалось видѣть, съ какою заботливостію бѣдный тащилъ нечаянно найденную имъ на улицѣ издохшую кошку или собаку (369);

Китайцев вообще упрекают в корыстолюбии, и я не могу не подтвердить справедливость такого замечания (384);

Я принялъ на себя обязанность описать только мужское китайское одѣяніе – съ тою цѣлію, чтобы подать понятіе о самомъ характерѣ одѣянія. Послѣ сего описание одѣянія женского и дѣтскаго считаю ненужнымъ (412).

Такие текстовые приемы, создающие ситуацию присутствия и даже участия автора статьи в научном тексте, можно считать инструментом своеобразной «интимизации» повествования, что, в свою очередь, выполняет функцию семантической связности целого текста [7: 64]: так, в первом из приведенных примеров конструкция «(мне) самому (случалось видеть)» усиливает реалистичность описываемой ситуации, что актуализирует доверительность «научного разговора» Бичурина с читателем. Во втором – приведено «общее мнение» о корыстолюбии китайцев, к которому присоединяется и автор; и вновь исполь-

зуется конструкция с усилительной семантикой: два отрицания («не могу не подтвердить») значительно подтверждают правдивость исходного утверждения. В третьем примере Бичурин принимает весьма смелое решение управлять полнотой этнографической информации, которую предлагает своему читателю. Он использует весьма характерную для себя конструкцию «(я) принимаю на себя обязанность», не столь частотную в научной литературе XIX века. По данным основного корпуса Национального корпуса русского языка, обнаружено лишь два документа, один из которых может быть отнесен к научной сфере:

Я принялъ на себя обязанность в качестве неврача делать те замечания по поводу беседы о гомеопатии, какие считаю необходимыми для выяснения истины [коллективный. Прения после лекции «О гомеопатической фармакологии» // Публичная лекция, читанная в Большой аудитории Педагогического музея 10 февраля 1887 г. Гомеопатический вестник. 1887. № 12]⁴.

Н. Я. Бичурин находится в постоянном заочном диалоге с читателем, который разделяется им на несколько разрядов. Его адресат, прежде всего, – русский ученый, имеющий специальный интерес к предмету исследования, умеющий увидеть и оценить точные и выверенные замечания автора. Вторая категория читателей – это его незримые оппоненты, по мнению Бичурина, часто поверхностно и неглубоко рассуждающие о нравах и быте Китая, плохо знающие его историю и языки. С ними Бичурин вступает в спор, опровергая их мнения, эмоционально и страстно разоблачая «снобизм», с которым они порой оценивают чужую для них культуру. Еще один тип читателя, к которому обращается и которого всегда имеет в виду этнограф Бичурин, это простой российский обыватель, интересующийся дальними странами либо из простого человеческого любопытства, либо из желания узнать нечто диковинное, либо из природной любознательности и склонности к чтению.

Н. Я. Бичурин включает в свои тексты о Китае многочисленные конструкции с мы-повествованием, причем как публицистические (очерки, статьи), так и собственно научные. Видимо, автор полагал, что это также способствует доверительному общению с читателем, к чему он всегда стремился:

Въ одно время съ покоренiemъ сибирскихъ странъ мы получили первое свѣдѣніе о шаманствѣ, дотолѣ неизвѣстномъ Европѣ. <...>. И съ сего времени открылось, что мы очень обманывались въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ шаманства. То, что намъ казалось грубымъ обманомъ въ кочевыхъ шарлатанахъ, составляетъ религию, господствующую нынѣ при Китайскомъ дворѣ и въ Маньчжурии⁵.

В текстах Бичурина мы-повествование есть универсальный способ общения с любым читателем из трех выделенных типов адресата. «Мы»

в русской научной речи, равное авторскому «я», до сих пор вызывает споры и различные решения, вплоть до предложения упразднить «уставший академический этикет» [16], однако во времена о. Иакинфа такое научное общение считалось уместным и более чем оправданным [13]. И сам Бичурин активно использовал этот прием для создания ситуации доверительного «разговора» с читателем.

Этнография середины XIX века в России – бурно развивающееся научное направление, движимое невиданным интересом к «племенному разнообразию» мира [15: 128]. Эти сочинения часто отличались романтической экспрессивно-

стью стиля, поскольку были одним из способов выражения искренних патриотических чувств, которые переживало в то время передовое российское общество. Н. Я. Бичурин – ученый своего времени, он был одним из тех, кому предстояло выработать специфический стиль русских научных произведений в области этнографии, причем как публицистического, так и академического характера [9: 7]. В этом смысле его опыт общения с читателем и проверенные временем приемы научного изложения этнографического материала могут быть квалифицированы как образцы русского научного стиля середины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин (Исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. № 1. С. 164–180.
- ² Бичурин Н. Я. Китай: его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840. 442 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ³ Бичурин Н. Я. О шаманстве // Отечественные записки. 1839. Т. 6. № 11. С. 73–81.
- ⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 03.01.2018).
- ⁵ Бичурин Н. Я. О шаманстве // Отечественные записки. 1839. Т. 6. № 11. С. 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 210 с.
2. Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 112 с.
3. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. М.: Чувашское книжное издательство, 2007. 335 с.
4. Дускаева Л. Р. Категория диалогичности функциональная семантико-стилистическая // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
5. Корнев В. П. История статистики: Учебное пособие. Саратов: Саратовский гос. соц.-экон. ун-т, 2013. 112 с.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
7. Котюрова М. П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1983. 96 с.
8. Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.
9. Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. 394 с.
10. Мясников В. С., Попова И. Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72. № 12. С. 1099–1106.
11. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.: В 3 т. / Под ред. М. Н. Кожиной. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. Т. I. 304 с.
12. Салимовский В. А. Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 134 с.
13. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.;
14. Славгородская Л. В. Научный диалог. Л.: Наука, 1986. 168 с.
15. Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. 453 с.
16. Хомич А. «Я» или «Мы»? Рассуждение об академическом этикете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://khomich.narod.ru> (дата обращения 12.12. 2017).
17. Чень Пэйцзюнь. Глоссы в сочинениях Н. Я. Бичурина как способ этнографического описания Китая // Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика: Сб. статей по материалам XLVI Международной филологической конференции / Отв. ред. Т. С. Садова, О. В. Васильева, Л. Н. Донина. СПб.: ВВМ, 2017. С. 66–70.
18. Чень Пэйцзюнь. Стилистические черты этнографических трудов Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) о Китае как выражение культуры научной речи в России XIX в. // Лингвокорпоративная парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи: Изд-во Сочинского ун-та, 2017. (в печати)

Chen P., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

DIALOGICALITY OF THE TEXTS IN ETHNOGRAPHIC WORKS ABOUT CHINA BY N. YA. BICHURIN

Formation of the Russian scientific style in separate scientific fields has not been studied enough. An appeal to the style of the ethnographic science of the XIXth century is explained by two reasons: firstly, the author of the article is interested in the idiosyncrasy of

the famous Russian synologist N. Ya. Bichurin (1777–1853), a bright representative of the ethnographic science of the XIX century, and secondly, ethnographic works of this time are very popular in Russia. The country has experienced a high patriotic upsurge. This phenomenon has contributed to the development of comparative works in studies on different culture and every day life of various nations. The significance of the topic in focus is conditioned by the circumstances listed above. Linguistic means, ensuring dialogical nature of the scientific text, are studied on the basis of the fundamental ethnographic work by N. Ya. Bichurin “China: its residents, morals, customs, enlightenment” (1840). Bichurin’s sincere respect for China and its culture are also highlighted. The author’s respectful attitude toward Chinese culture contributes to special emotionality of his texts, to the conclusiveness and reasoning of his information on the everyday life of Chinese population. The vivid dialogicality of N. Ya. Bichurin works, as a manifestation of the author’s desire to convey to the Russian reader objective facts about China, its social and cultural uniqueness, is emphasized.

Key words: scientific style of the XIX century, the language of ethnographic works, dialogicality of scientific texts, dialogic narrative, historical stylistics

REFERENCES

1. Vomperskyi V. P. The stylistic teaching of M. V. Lomonosov and the theory of three styles. Moscow, Moscow University Publ., 1970. 210 p. (In Russ.)
2. Gerd A. S. Formation of terminological structure of Russian biological text. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1981. 112 p. (In Russ.)
3. Denisov P. V. A word about the monk Iakinf Bichurine. Cheboksary, Chuvash book Publ., 2007. 335 p. (In Russ.)
4. Duskaeva L. R. Category of dialogic functional semantic stylistics. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 696 p. (In Russ.)
5. Kornev V. P. History of Statistics: Textbook. Saratov, Saratov Socio-Economic University Publ., 2013. 112 p. (In Russ.)
6. Kozhina M. N. Stylistics of the Russian language. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
7. Kotjurova M. P. Evolution of the expression of the coherence of speech in the scientific style of the XVIII–XX centuries. Perm, Perm State University Publ., 1983. 96 p. (In Russ.)
8. Kotjurova M. P. On the extralinguistic basis of the scientific text national structure (functional-stylistic aspect). Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. 170 p. (In Russ.)
9. Kotjurova M. P., Tichomirova L. S., Solovjeva N. V. Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about verbal individuality of the scientist. Perm, Perm State University Publ., 2011. 394 p. (In Russ.)
10. Miasnikov V. S., Popova I. F. Contribution of F. Iakinf into the world sinology. To the 225-th anniversary of N. Ya. Bichurin birth, the Corresponding Member of the RAS. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2002. Vol. 72. No 12. P. 1099–1106. (In Russ.)
11. Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII–XX centuries. Ed. by M. N. Kozhina. In 3 vols. Perm, Perm State University Publ., 1994. Vol. 1. 304 p. (In Russ.)
12. Salimovskij V. A. Semantic aspect of the use of the word in functional speech styles. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1991. 134 p. (In Russ.)
13. Salimovskij V. A. Genres of speech in functional-stylistic lighting (scientific academic text). Perm, Perm State University Publ., 2002. 236 p. (In Russ.)
14. Slavgorodskaja L. V. Scientific dialogue. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 168 p. (In Russ.)
15. Tokarev S. A. The history of Russian ethnography (pre-October period). Moscow, Nauka Publ., 1966. 453 p. (In Russ.)
16. Khomich A. “I” or “We”? Discourse on academic etiquette. Available at: <http://khomich.narod.ru> (accessed 12.12.2017). (In Russ.)
17. Chen P. Glosses in writings of N. Ya. Bichurin as a method of ethnographic description of China. *Lexicology. Lexicography: (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive Linguistics: Collection of articles on the materials of the XLVI International Philological Conference*. Ed. by T. S. Sadova, O. V. Vasiljeva, L. N. Donina. St. Petersburg, VVM Publ., 2017. P. 66–70. (In Russ.)
18. Chen P. Stylistic features of the ethnographic works of N. Ya. Bichurin (Father Iakinf) about China as an expression of the culture of scientific speech in Russia in the XIX century. *Lingua-rhetorical paradigm: Theoretical and applied aspects*. Sochi, Sochi State University Publ., 2017. (submitted for printing). (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.12.2017